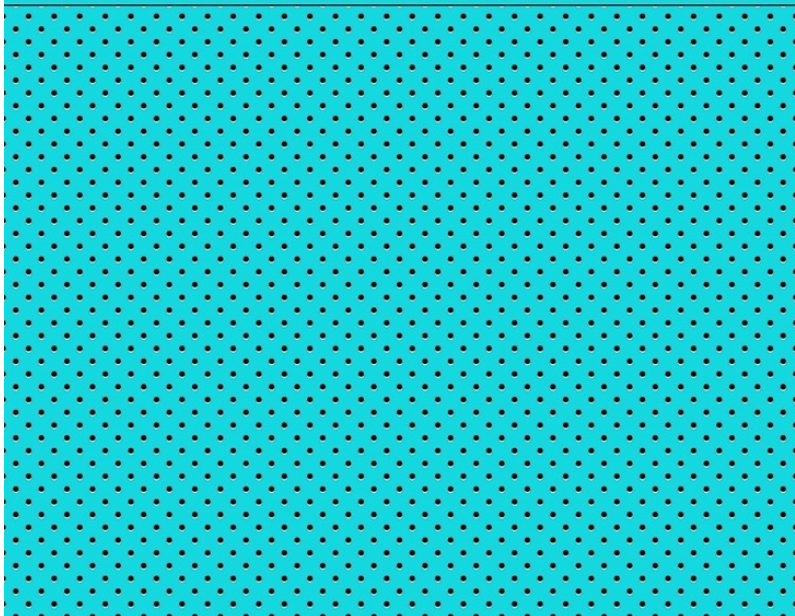

Инна Молина

*Покажи
мне небо*

Инна Молина

Покажи мне небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547856

ISBN 9785448326738

Аннотация

В сборнике представлены рассказы о том, как люди, маленькие и взрослые, сталкиваются с проблемой добра и зла в своей жизни, как они делают выбор в собственном пути, какие события происходят, чтобы человек потянулся к тропе созидания и обратил свои взоры к Всевышнему... Рассказы о том, как люди обретаю веру в Бога, внутренне меняются и настраиваются с добрым сердцем на свое светлое будущее...

Содержание

Мешочек с золотом	5
Нарисованная иконка	22
Первая исповедь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Покажи мне небо

Инна Молина

© Инна Молина, 2016

Корректор Ольга Михайловна Бычковская

ISBN 978-5-4483-2673-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мешочек с золотом

– Володенька, угомонись же, наконец-то, спать давно пора, а ты только бегаешь вокруг постели, – увещевала моложавая, приятная женщина восьмилетнего, симпатичного мальчугана.

– Нет, крестная, нет, нет, нет, – пока не расскажешь про житие какого-нибудь святого я спать не лягу. Так и напишешь моей матушке в письме, что сын твой только после рассказов на ночь обретает спокойный сон...

– Володя, я же устала, – умоляющим тоном взмолилась крестная мальчика, тридцати семилетняя Ольга Петровна. Володя всегда приезжал к ней в гости на летние каникулы, с разрешения матери, и почти завел традицию в доме верующих родственников слушать жития святых и угодников Божиих, удивляясь их поступкам и подвигам.

– Конечно, напишу. И еще то, что ты совершенно меня не слушаешься, ведь я и так тебе каждый день рассказываю про самых разных святых... Ты уже больше меня знаешь, Володя... Я не могу сегодня.

– Пожалуйста, милая крестная, ну вкратце, хоть про одного. Самого-самого известного и доброго, расскажи...

Ольга Петровна, легонько проведя ладонью по красивым, волнистым волосам, спросила:

– А ты отправишься тот час же в кровать?

– Да, милая, – радостно запрыгал Володя. Расскажи! Расскажи! Расскажи!

– В постель! —скомандовала тоном, не терпящим возражений, тетя Оля.

В одно мгновение мальчик оказался в объятиях мягкой подушки и легкого одеяла, которое вручную сделала его любимая крестная с именем равноапостольной княгини.

Ольга Петровна, довольная тем, что крестник после долгих уговоров, наконец-то, оказался в кровати, как ей того и хотелось в целях дисциплины, присела на краешек постели, сложила руки на колени и тихим, спокойным голосом начала свой рассказ...

– Было это давно-давно... Уж и не вспомнить в какую эпоху и при каком Царе, но был в мире один очень милостивый батюшка. Звали его Святитель Николай. Молитва не сходила с его уст, благодарственные гимны пело его сердце Богу ежечасно, радостная улыбка озаряла лицо всякий раз, как он видел живое существо или человека, творение Божие, и творил он только добрые дела. Он знал, кто имеет нужду и помогал своим ближним, благословлял злых людей и молился за них, по молитвам к нему люди спасались из своих тяжких бедствий... Особенно он любил помогать путешествующим и странствующим... Если ты слышал, что есть такой город в Италии, Бари, так вот, когда умер этот добрый и светоносный батюшка, его мощи остались покоиться там. И по сей день к нему стекается огромное количество людей из разных

уголков света, чтобы преклонить колени перед великим Николаем Мирликийским, Чудотворцем...

– А почему его называют Чудотворцем? – спросил взволнованно Володя.

– Потому, дорогой, что великие чудеса он мог творить благодаря своим добрым делам во имя Господа... И продолжает творить по сей день по молитвам верующих...

– И какие же это могут быть такие дела, что Бог так награждает человека – чудеса творить во время жизни и даже после смерти???

– разволновался Володя и даже немного вспотел.

Ольга Петровна ласково провела по его темным красивым волосам и продолжила...

– Одно из его добрых дел до сих пор живет в душах и умах верующих людей, помогая и им творить такие же благородные дела... Однажды, Святитель Николай узнал, что есть один бедный человек, вдовец, и у него три взрослых дочери. В те времена девушку без приданого, денег, трудно было выдать замуж за приличного жениха. Старик вздумал недоброе, лишь бы устроить судьбу своих дочерей и выдать побыстрее их замуж... Святитель Николай узнал об этом, и тайно, закинул в их дом мешочек с золотом, чтобы он выдал замуж старшую дочь по всем правилам и приличиям.

– И что? Выдал?

– Да. Они не поняли откуда взялся этот мешочек с золотом, но были несказанно благодарны доброму человеку

и сразу же выдали замуж старшую дочь. Когда сыграли свадьбу, Святитель Николай также подбросил мешочек и для средней дочери. Изумленный старик и вторую дочь выдал замуж... И захотелось ему узнать имя своего благодетеля... Когда Святитель Николай тайком подошел к дому старика-отца, чтобы закинуть в окошко мешочек с золотом для третьей дочери, тот узнал его и возблагодарил Бога за такой подарок судьбы... Третью дочь, он тоже выдал замуж за хорошего человека...

Ольга Петровна хотела продолжить свой рассказ, но, видимо, перед глазами Володи возникали такие яркие, красочные картины добрых дел Святителя, что он с восхищенной улыбкой погрузился в сладкий, бархатный сон... Крестная нежно поцеловала его в лобик и тихонько на носочках вышла из комнаты...

На следующее утро, Володя, впечатленный рассказом о трех мешочках золота для невест, не находил себе места. Он все думал, как Святитель не пожалел столько богатства для чужих людей и даже не показывал своего лица, творя такие добрые дела.

– Да, – подумал Володя, – и впрямь был особенный человек этот Святитель Николай... Вот бы и мне так, хоть одно великое доброе дело сотворить в этой жизни, и так, чтобы никто об этом не узнал...

С этими мыслями Володя подошел к комоду и достал оттуда сверток, закрученный в мягкую ткань. Это были его сбе-

режения, которые он копил и привез с собой на летние каникулы к крестной, чтобы полакомиться на них или купить себе какие-нибудь игрушки. Особенно он хотел купить себе велосипед. Денег уже вполне хватало, только вот крестной некогда бы было с ним в магазин сходить, а сам он боялся проявить такую инициативу. А вдруг родители накажут за такое своеволие? Он задумчиво посмотрел на сверток, подошел к окну и увидел, как на детской площадке носилась гурьба мальчуганов, испачканных, перемазанных зеленой краской и голосистых. Это были сироты из приюта, который находился совсем рядом с домом крестной, где коротал свои счастливые дни Володя... Он пристально следил за их игрой, подчас агрессивной и слишком шумной, но вдруг ему пришла в голову идея: ведь этим детям деньги нужнее, чем ему. Ему, Володе, и так родители дают достаточно на карманные расходы, а у этих мальчиков даже нет родителей, одни няньки из приюта... Володя посмотрел на иконостас в углу комнаты. Там как раз сияла в лучах горящей лампы красиво украшенная иконка Николая Чудотворца. Мальчик перекрестился и твердо сказал: «Решено».

В этот день Володя лег невероятно рано. Крестная с облегчением заглянула в темную комнату и пораженная своими воспитательными мерами, удалилась на кухню, заниматься хозяйством.

Володя дождался, когда крестная прочитает вечерние молитвы и ляжет спать, и тихо на носочках прокрался к выходу

из дома.

Он знал, что на улице его никто не тронет, ведь у него такая благая цель – отдать деньги тому мальчику из приюта, который больше всех сегодня кричал и топал ногами на детской площадке. Он знал, что комнаты их расположены на первом этаже, выгадал какое именно окно ему нужно и подойдя к нему поближе, резко забросил мешочек со своими накоплениями в форточку.

Из комнаты раздался громкий крик, знакомый голос с площадки...

– Ай, черт побери, что это такое? Прямо по голове... Кто посмел меня ударить?... Володя, не знал, что он попал в голову именно тому мальчику, которого особенно жалел среди сирот приюта.

Грозный Паша, так звали сорванца, немедленно включил свет, пнул по ногам своих товарищей, которые уже мирно спали и ничего не поняли, и направился к окну. Он думал, что кто-то кинул в него палку, но по звуку, это было похоже на что-то другое... Мальчик пристально осмотрел комнату и увидел возле своей кровати коричневый, потертый, кожаный мешочек .... с деньгами...

– Это кому? – воскликнул озадаченно он, а Володя в это время неся со всех ног домой, чтобы крестная его «не разоблачила». Запыхавшийся он вбежал в комнату, тихо прикрыл дверь, перекрестился перед иконами и достал свой большой сверток из комода.

– Так, это была треть всех денег. Я буду каждый месяц ему по частям подкидывать. Пусть полакомится с мальчишками мороженым без ведома приютских нянь. К ним он очень настороженно относился, так как считал их чересчур злыми и угрюмыми. Они так всегда орали на своих подопечных, будто это дикие животные в вольере, а не дети, оставшиеся без своих собственных родителей...

Как решил Володя, так он и поступил. За целое лето он, как и Святитель Николай, три раза тайно забросил мешочки с деньгами и был очень этому рад. Тайная помощь сиротам продолжалось из года в год, ровно по три мешочка за лето, пока мальчикам не исполнилось по 14 лет.

Однажды, перед своим пятнадцатилетием, снова приехав к своей любимой крестной на лето, уже почти возмужавший Вова пошел во двор поговорить со знакомыми ветеранами войны. Которых он очень уважал и чтил. Остальные соседи без такого придыхания относились к старым воякам. Однако, Володя жадно впитывал все их фронтовые рассказы и становился все более мужественным и благородным в своих делах и поступках. И вот в очередной раз он затаив дыхание решил послушать про подвиги своих великих ветеранов и настроился на нужный лад...

Михаил Ильич, самый старый и белобородый фронтовик начал... Но вдруг, с детской площадки послышались душевраздирающие вопли. Володя аж подскочил. Визг был такой пронзительный, что при всем уважении к ветеранам он бро-

сился в сторону воплей, с мыслью помогать, даже не понимая кому и в чем... Примчавшись во дворы, откуда доносился крик, он изумленно увидел картину: три взрослые парня, сидят на трубе, и один, лидер по виду, какой-то корягой обдирает пятилетней девочке платье. Уже оторвал большой кусок с рюшами, и у девочки даже показался животик в этом разодранном одеянии. Парни хохотали, как сумасшедшие. Гоготали на всю улицу и тыркали ее этой корягой в живот. Вова подошел в ним вплотную и спросил:

– Вы зачем над маленькой девочкой издеваетесь? Вы же такие взрослые? Она здесь одна, без матери? – спросил Володя.

Взъерошенный и конопатый подросток, тот что трепал девчушку, встал с трубы, презрительно сплюнул в сторону и сощутив глаза, как при ярком солнце заглянул в лицо Вове.

– А ты что, ее герой что ли или брат? Чего нос свой сюда суешь? Не видишь, это моя территория, я здесь живу, а малявка залезла сюда без спросу вот и получила... – ядовито заявил подросток.

– Ей пять лет от роду, что она может понимать? Как вы могли, такие большие.... И при этих словах Вова почувствовал сильный удар в лицо, потом словно палкой его огрели по подбородку, он увидел небо, получил удар по спине и упал на землю без чувств... Подростки били его со всей силы, ногами, палками, руками, плевали на него, драли волосы, тыкали побитым лицом в грязь....

Испуганная девчушка в своих лохмотьях еще большим криком разразилась и побежала куда глаза глядят. Володя лежал безмолвно. Ведь он не собирался нападать, он просто пришел помочь и разобраться в ситуации... Подростков было уже не остановить в их гневе. Залитое кровью тело Володи они скинули на тротуар, чтобы люди обходили это место стороной, а сами убежали, крича и улюлюкая, как дикари-победители после удавшейся охоты.

Ветераны смотрели на эту картину так, будто перед ними снова возник образ неприятеля. Спустя мгновение дворы оглушили звуки машины скорой помощи и милиции, и люди в белом и синем начали беспокойно толпиться у тела Володи. А он лежал без чувств.

Свое пятнадцатилетие Володя встретил на больничной койке даже не осознавая этого. Обеспокоенное и заплаканное лицо крестной, потом матери с отцом, заставили его вернуться к реальности. Он понял, что стряслось что-то страшное. Все тело выло и ныло от боли, в голове будто гремели африканские тамбурины и падали трубы, все тело дрожало в какой-то странной лихорадке... Мать плакала в его ладони и никак не могла успокоиться.

В один прекрасный день в палату к перебинтованному Володи зашел майор милиции. Высокий, крепкий мужчина, громким сожалеющим голосом он сообщил, что найдены малолетние преступники этого злодеяния. Это сироты местного приюта, который расположен прямо во дворе домов, где

разыгралась вся эта драма с девочкой и побоями. Теперь Володе предстояло их лично опознать.

Вошел врач и предложил провести эту процедуру после обеда. Как раз шустрая медсестра вбежала в палату с подносом, от которого вкусно пахло грибным бульоном, чаем с корицей и оладьями со сметаной. Володе помогли привстать на постели. Мать слева, крестная справа... Полная драматизма реальность. Володя едва кивнул головой медсестре и медленно потянулся за ложкой.

Немного потупив взгляд, он тихо вымолвил:

– Я знаю их.

Майор в одно мгновение подскочил к кровати.

– Кого? Этих негодяев? Они здесь, ждут за дверью. Ты готов к опознанию?

Володя грустно посмотрел на дверь.

Под конвоем крепких и рослых мужчин в больничную палату впустили трех растрепанных юнцов, с поникшими головами, дикими глазами, и воплями недовольства... Им не нравилось, что их грубо подпихивают эти гренадеры-милицейские.

– Ну, хватит, мы сами. Не маленькие уже..., -вопил конопатый, не обращая внимания на Володю.

Мать с крестной замерли в изумлении. Володя посмотрел на этих дебоширов и промолвил:

– При-вет!

Юнцы насторожились и стали пристально, с недоверием

вглядываться в лицо Володи.

Майор жестом попросил всех родственников удалиться. С нежеланием семья покинула своего больного Володю, с презрением оглядывая этих малолетних беспризорников.

Вышел и конвой.

Володя спокойным, добрым тоном промолвил:

– А я ... вас знаю... И кашлянул в дрожащую руку...

Конопатый насторожился и вытаращил на Володю глаза. Два его «соратника» впились в него с еще большим недоверием и даже ужасом.

– Откуда, маменькин сынок? – съязвил конопатый.

– Тааак, – резко громыхнул на них майор милиции.

– Ты... Пашка Гроз-ный, – дрожащим голосом молвил Володя...

– И что с того, – выпятил вперед ногу недовольный драчун.

Володя закрыл глаза. Губы его дрогнули. И на мгновение показалось, что тихий ангел пролетел в помещении, такая воцарилась четкая и явная тишина. Момент истины.

– Я... я ведь по-могал те-бе, – еле выдавил из себя Володя и шмыгнул носом. Я по-могал тебе, Гроз-ный, – и слезы горячими струйками обожгли его заалевшие щеки...

– Чего? – завопил конопатый, готовый броситься к постели больного и снова его ударить, – я тебя первый раз вижу, мумия ты перевязанная...

– Стоп, – заорал майор, – прекрати хамить больному. Го-

сударство тебе так за него «вкатает»!

Володя еще раз шмыгнул носом и промолвил:

– А ме-шочки... Помнишь, ко-жаные мешочки с день-га-ми... В этом году ты получил всего лишь один... Я не успел еще... два... под-кинуть...

Майор милиции округлил глаза и в ярости закричал:

– Этот прыщавый у тебя и деньги вымогал???

– Нет, – воскликнул Володя и задохнулся от неожиданности... Нет. Вы ме-ня.. меня не пра-вильнопо-няли...

Конопатый стоял теперь как вкопанный. Волны эмоций перекачивались на его лице: то ужас, то сомнение, то жалость, то страх, снова сомнение. Сердце его колотилось с бешеной скоростью, щеки побагровели и тело словно свинцом залили до макушки... Это стыд, позор, пошлость, предательство, убожество, ужас... Он не верил своим ушам... Тот благодетель, которого он поклялся найти и упасть ему в ноги за доброту – эти мешочки с деньгами каждое лето, теперь, оказывается, лежит перед ним полуживой от его же собственных побоев. Мысли с такой тяжестью наваливались одна на другую, что, казалось, сейчас этот конопатый с грохотом огромной статуи упадет в обморок и разлетится на части. Товарищи попятились от него в стороны, недоумевая. Они не понимали о каких мешочках шла речь. А ведь на эти деньги Пашка Грозный купил себе приличную коллекцию авиа-моделей, про которые только рассказывал, что это родственники погибшего отца – военного летчика ему шлют,

как моральную компенсацию за то, что не могут взять его к себе на воспитание. Гром и молнии засверкали в душе этого озлобленного сироты... И с каждым мгновением их грохот усиливался и навел ужас на сметенную, дерзкую душу. Грозный затоптался неуверенно на месте, словно горящие уголья жгли ему пятки... Мышцы лица подергивались, создавая жуткие гримасы – отчаяния, жалости, мольбы и ужаса...

С воплями: «Нет, не может этого быть, – Грозный бросился к кровати Володи и схватил его за руку.

– Нет! – вопил он хриплым, ломающимся, дерзким голосом уязвленного подростка, -нет! А-А-А!!!

А-А-А!

Вопли разносились на все лечебное учреждение и леденили души тех, кто их слышал. Майор тоже стоял как вкопанный. Ничего не понимая.

Грозный разразился такими воплями и плачем, что Володя сам отвернул голову в сторону и начал плакать вместе с ним....

– Пацан! Прости, – голосил Грозный. Прости меня, дурака, я – ничтожество!!! А-А-А! Я не знал, кто этот добрый человек, которого я мечтал встретить! Я полюбил его, брат! У меня не было никого ближе все эти годы, чем он... А-А-А! Чем.. чем.. Ты... Прости! Прости меня, если сможешь. Я – гнойный червь, негодяй... Прости меня...

Грозный так истерично кричал, что в своих воплях сам се-

бы уже не слышал, что говорит. Ему уже давно хотелось припасть к ногам своего благодетеля и он даже предположить не мог, что здесь его встретит, на больничной койке. Тело Грозного тряслось, словно по нему проходили разряды электричества. Он кричал во весь голос и хрипел, хрипел, хрипел. Друзья Грозного оторопели и сели прямо на пол, а тот продолжал причитать и реветь.

Володя сжал его руку и ощутил жгучую боль в теле, в каждой мышце....

– Прости меня, Вова, – заорал напоследок конопатый, когда его с силой попытались вывести из палаты. Больной тоже слишком разволновался, ему это было пока не к чему.... До вечера Володя ничего не ел и лежал задумчивый и грустный....

Утром медсестра принесла записку.

Володя развернул кусок бумаги и увидел написанное небрежным почерком:

«Я хочу прийти к тебе. Попроси майора! Паша» Володя смял этот лист и задрожал. Теперь он заплакал так безутешно, как Грозный накануне. Конечно, он позовет его, ведь он давно хотел с ним познакомиться, узнать, была ли ему польза от его мешочков....

На следующий день посетителя Володи было не узнать – бледное смиренное лицо, глубокий, трагический взгляд, дрожащие губы и сутулая фигура никак не выдавали в себе Грозного, который держался всегда нагло, дерзко, вызываю-

ще.

Выглянув из-за угла, он приветливо молвил Володе:

– Здравствуй! Друг, – и запнулся.

– Здравствуй, Грозный! – промолвил Володя, подняв руку в знак приветствия.

– Не называй меня Грозный. Лучше – Гадкий! – не своим голосом ответил гость.

Пашка занервничал, подошел к кровати Володи и спросил:

– Можно я у твоей кровати посижу? Я всю ночь размышлял... Ты – святой человек! Ты – святой человек, хоть и такой молодой! Мы ведь – ровесники. Мне твои родители сказали, что ты верующий, ходишь в храм. Я ничего не знаю про Бога... Тут Грозный запнулся и помолчал... – Я принес тебе икону! – Он зашуршал каким-то свертком и вынул оттуда красивую икону Николая Чудотворца. – Я накануне попросил директора приюта купить ее... Прости меня. Грозный опустил голову и коснулся ею пола, словно сделал земной поклон....

Володя осмотрел икону и промолвил:

– Я знал, что ты неплохой человек... Я хотел тебе послужить добром, ведь я рос с родителями и в достатке, а ты без мамы и папы в кругу таких же покинутых детей... Я ...очень тебе сочувствовал, поверь мне...

Грозный стал поскуливать и тихо ныть.

Володя продолжил:

– Когда я подошел на площадку, я хотел уладив инцидент, наконец-то с тобой познакомиться... Но... не успел.

Грозный разразился мощными воплями. Зарыдал громче прежнего...

Володя промолвил:

– Спасибо за икону. Мне она очень нравится.... Этот Святой, Николай Мирликийский, посеял у меня желание несколько лет назад сотворить какое-то доброе дело для чужого, нуждающегося человека... Он тоже подкидывал мешочки с деньгами... Золотыми деньгами...

Грозный уже ничего не понимал, вопли сотрясали все еще существо

– Знаешь, ...Грозный, это твои первые слезы покаяния....

– Расскажи, расскажи про Бога, про святых, – завопил Пашка, – про их добрые дела, ты же сам святой, мне никто никогда не рассказывал об этом...

Володя так полюбил этого сорванца, что вопреки родительской воли, которые желали правосудия, убедил всех прекратить милицейское разбирательство, полностью освободить эту «троицу» от ответственности.

Теперь Грозный приходил к Володе, как к своему духовному наставнику и через год покрестился, стал монахом по имени Иона в близлежащем Свято-Владимирском монастыре – его так потряс рассказ его благодетеля про пророка Иону, просидевшего три дня в животе у кита, что у впечатлительного подростка больше не оставалось никаких со-

мнений относительно своего дальнейшего пути. Ведь он повстречал святого человека, Володьку из соседнего двора...

Володя, несмотря на то, что после длительного лечения остался прикованным к инвалидному креслу, питал крепкие дружеские чувства к своему другу-новоиспеченному и ревностному монаху, находя радости в каждом дне своей жизни и творя добрые дела во имя Господа... Каждое утро он молил Святителя Николая Мирликийского о чуде – мешочке со здоровьем. Также, в его красном уголке с иконами появилась новая – с пророком Ионой.

Нарисованная иконка

«Не препятствуйте детям приходить ко Мне» (Мф.19:14)

– Бабушка! Ну скажи, почему у меня не получается иконки рисовать, – вертелась вокруг стола маленькая Вика и периодически дотрагивалась пальчиком до новых пирогов с клубникой, которые мастерски и с невероятным проворством лепила крепкая дородная женщина.

– Потому что это тебе ни к чему!!! – ответила женщина, бабушка семилетней Вики. – Мы живем в такой глуши, что среди жителей нашей деревни верующих людей нет! Река, тропинка, дом – вот наша вера! И ты прекрати чушь выдумывать. Сама боишься мимо нашего разрушенного храма ходить, а тут вздумала иконки рисовать!!! Эка невидаль! – сердито ворчала Анна Григорьевна.

Вика стояла с широко распахнутыми глазами, и в уголках ее губ трепетали неверие и легкий страх от того, что она слышала от родного человека. Ведь с самого рождения она только и жила со своей любимой, доброй бабушкой. Мамы и папы у нее никогда не было, да и она не спрашивала о том у бабушки, где они могли быть. А Анна Григорьевна могла бы ей всю правду рассказать, только не видела в этом толк. Как такая добрая душа поверит в историю о том, что ее бросила

родная мать. Это причинило бы ей невероятную боль...

В деревне 25 лет уже стоял бурьяном поросший заброшенный Храм Архистратига Михаила. Некогда красивый, он превратился в печальное отражение поломанной и разрушенной в начале века веры и духовности русского народа. Голубая краска облезла, покрывшись желтыми странными разводами, купол слегка накренился, крест посерел, но все же в ночи выглядел достаточно строго и странно. Вика всегда боялась на него смотреть из окна, когда темнело. Ничего угрожающего в нем не было, но ее пылкая душа трепетала от того, что этот храм – призванный собирать людей для общего блага, молитвы Богу, теперь стоял безжизненный, одинокий и всеми забытый...

– Бабуль, лошадки, куры, уточки у меня получаются, девочки и мальчики тоже, – почему же тогда у меня не выходят иконки? – не унималась Вика, задумчиво глядя на прирастающую гору выпечки.

– Потому что у нас нет икон, и никогда не будет. А из головы придумывать очень сложно. Лошадей, кур, уток и людей ты видишь часто, а икон у меня самой никогда не было. У моих родителей тоже. Всю жизнь без них жили, и еще как-нибудь проживем. Кресты, молитвы, иконы – это дело попов, а не наше! – молвила, не отрываясь от своего дела, Анна Григорьевна.

– Не обзывай так батюшек, – возразила Вика, – они умные, добрые и хорошие!

– Хм, – ухмыльнулась Анна Григорьевна, – ты-то откуда знаешь?

Вика слегка покраснела и промолчала. Она не знала, как осмелиться рассказать своей бабушке о том, что днем, когда гуляет с детворой, почти всегда убегает к храму, бродит вокруг и внутри него, натываясь на фрагменты икон, маленьких и больших, долго думает, стоя над ними. Как же ей хочется иметь дома такую же икону! Милую, добрую, притягательную, от которой и взор не оторвать, хочется прижать ее поближе к сердцу и ходить так всегда. К тому же, когда она в последний раз там была, в прошлый четверг или пятницу, она случайно столкнулась с неким священником и двумя мужчинами, о чем-то громко разговаривавшими: «Как начать строительство, где взять денег, как придумать новый проект храма»... Когда она незаметно попыталась мимо них проскочить, священник окликнул ее ласковым голосом и позвал к себе. Вика подошла, потупив от стыда взор.

– Здравствуй, милая, – сказал добрый батюшка, мужчины тоже заулыбались глядя на очаровательную и смущенную Вику. – Ты одна здесь гуляешь?

От таких слов Вика чуть не потеряла сознание. Она знала, что гулять вдалеке от дома могут только упрямые и непослушные дети, к коим она себя не причисляла, так как всегда старалась слушать и понимать бабушку, но соврать она тоже не могла, потому что бродила все-таки одна. Отчего еще больше раскраснелась, но едва тихим голосом сказала:

– Да, одна.

Батюшка удивленно и с интересом посмотрел на девчужку.

– И не боишься, тебя ведь дома могут потерять и сильно отругать за это?

Вика, поняв, что одним словом правды не обойдешься, слегка осмелела и дрожащим голосом, глядя на батюшку, с надеждой сказала:

– Я умею немного рисовать и хотела бы нарисовать для себя иконку, чтобы перед ней молиться. У нас дома нет ни одной...

– Как тебя звать, милое дитя, – спросил священник.

– Вика, – всхлипнула девочка.

– Виктория, что значит Победа! – задумчиво и с восторгом произнес батюшка. – Викочка, а ты крещеная? – снова обратился к девочке священник.

Вика изумленно посмотрела на батюшку. А тот молвил:

– Просто я не вижу на тебе крестика?

Вика была некрещеной и ничего об этом не знала. Случайно найдя у полуразрушенного храма иконку и возжелав иметь такую же у себя дома, только более красивую и яркую, она даже не понимала, о чем ее спрашивал священник.

Она протянула ему руку, и на маленькой ладони сверкнул грязной глазурью осколок старой иконы, который она изучала всегда, прибегая к храму и пряча его всегда в свой тайник у входа, возле разрушенной лестницы.

– Вот, эту я хочу нарисовать, – торжественно сказала Вика, глядя на огромный золотой крест на груди у батюшки. – А креста как у вас у меня никогда не было.

Отец Виталий с нежностью посмотрел на девочку и сказал:

– Поцелуй!

Вика поцеловала крест у священника и в душе у нее словно что-то засияло. Она совершенно перестала стыдиться и бояться, что оказалась сейчас здесь одна, с этим добрым батюшкой и двумя незнакомыми, но тоже добрыми по виду дядями.

– Вот и умница! Это Апостол Андрей Первозванный, радость моя! Ты его хочешь нарисовать? – спросил священник улыбаясь.

– Да, батюшка! – смело ответила Вика. – У меня даже краски есть хорошие и листы бумаги подходящие, только я никак не могу запомнить его черты, дома забываю всегда с чего начать. А от храма я не могу утащить иконку домой, это ведь ее дом, ей в чужом месте плохо будет! – с досадой молвила Вика. К тому же, я бы тоже хотела носить хотя бы маленький такой крестик как у вас, а у меня его нет.

– Значит ты не крещеная, милая, – задумчиво произнес священник.

– Наверное, – ответила Вика.

– А ты хотела бы креститься?

– Очень, – обрадовалась Вика, чувствуя, что это что-то

очень хорошее.

– А с кем ты живешь?

– Я живу одна с бабушкой, вон за тем пригорком, одинокий домик стоит, – Вика оглянулась и показала свой дом.

– И ты так далеко бегаешь, чтобы насмотреться на иконки?

– Да!

– Ну, дитя мое!

– Мне не страшно. Я себя так спокойно и хорошо здесь чувствую, что согласилась бы скорее тут жить, чем в нашем домике, где мы живем с бабушкой. И она в Бога не верит!

– Не верит?

– Да, не верит! Говорит, уверует, если восстановится этот храм когда-нибудь, а так как этого никогда не произойдет, то и душу для благородных стремлений она не будет пока тревожить.

– Вот дела, – изумился священник. Наверное, и тебе не разрешит креститься, раз мамы и папы у тебя нет, и она сама тебя воспитывает?

– Да. Не разрешит. Она очень строгая.

– Хорошо, дочка. Тогда ты сама молись, искренне проси у Бога и Святого Сергия Радонежского, чтобы он помог тебе научиться рисовать иконы. Когда он был маленький, тяжело давалась ему учеба, но по молитвам своим он достиг в учении таких высот, что стал не только самым умным человеком своего времени, но и святым, первым игуменом Свя-

той Руси. А Апостол Андрей Первозванный, первым пришел на Российскую землю крестить ее святым духом от Самого Господа нашего Иисуса Христа, поэтому не зря именно его ты хочешь нарисовать. Я думаю, у тебя все получится, дитя мое, -погладил с нежностью отец Виталий маленькую Викторию, очарованную словами батюшки, каких она еще ни от кого не слышала.

Вика посмотрела на запыленный образ Апостола.

– Андрей Первозванный. Значит и ему можно тоже молиться? – спросила девочка.

– И ему тоже молись! – сказал священник

Вика подпрыгнула и засияла от радости, широко улыбаясь священнику.

– Хорошо, я побегу тогда, – прозвенела она.

– Беги, дитя мое. И передай своей бабушке, что храм скоро восстановится...

Эти слова девочка услышала уже на бегу, которые долетали до ее слуха как волшебное пение ангельских созданий. Что-то хорошее в этом есть, -подумала она, и как ни в чем не бывало, вернулась домой.

Сейчас об этом происшествии страшно было рассказывать. Так как река, тропа и дом, – как говорит бабушка, – в качестве веры, не совсем бы одобрил батюшка, которого она повстречала.

Она лишь промолвила загадочным шепотом:

– Я слышала, как кто-то из соседей сказал, что наш храм скоро восстановят, – и глянула на бабушку.

Анна Григорьевна усмехнулась.

– Вот когда это произойдет, твоя бабушка наденет платок и первая войдет в этот храм, чтобы убедиться в этом воочию, а пока я глубоко в этом сомневаюсь, и тебе советую не забывать голову ерундой. Помоги-ка мне лучше прибраться в доме...

Слова бабушки утонули в сонме радостных мыслей девочки. Она представила лицо священника, свою любимую иконку и то, как она старательно начнет делать первые штрихи на белом листе...

Слегка убравшись в доме, девочка решила помолиться о том, чтобы у нее рука сама начала выводить нужные линии для получения святого лика Андрея Первозванного.

Раз за разом, оставляя недоделанными наброски, Вика оставалась недовольной своей работой. Лицо кривое, рука не там начала прорисовываться, взгляд угрюмый – думала она, поторапливаемая бабушкой, которая твердила ей, чтоб она лучше помогла ей по хозяйству, а не всякими глупостями увлекалась.

– Андрей Первозванный, Сергей Радонежский... Боженька, пожалуйста, помоги мне, – внутренне молилась Вика, каждый раз вырисовывая «не то», как она думала.

Все свои неудачные труды она складывала в стол.

Анна Григорьевна, потрясенная столь ревностным жела-

нием внучки приобщиться к церкви, однажды, в порыве гнева, закинула их все в печь...

Вика почти сразу спохватилась, что рисунки пропали, но боялась спросить у бабушки, не убрала ли она куда-нибудь ее скромные молитвы в карандаше. Они просто исчезли. Краски и бумага на месте, иконок – нет!

Анна Григорьевна с притворным удивлением смотрела на внучку и словно железная леди не желала отвечать малышке, куда пропали рисунки, хоть та и была уже доведена до слез и отчаяния.

Все еще надеясь на свою плохую память, Вика в очередной раз прочесывала все углы дома, думая отыскать потерянные работы, чтобы продолжить попытки. Домашних животных ей совершенно не хотелось рисовать. Тем более после такой встречи со священником, который дал ей поцеловать свой крест. Это же честь какая!

Потратив на тщетные поиски еще три дня, девочка с вопрошающим взором, наконец-то, посмотрела на бабушку. А та совершенно серьезно глянула на печь.

У Вики ноги подкосились. На глазах появились слезы.

– Неужели ты сож, сож, – не могла произнести этого слова Вика, – сожгла мои иконки, баба?

– Да, Вика, – властным, беспощадным тоном заявила бабушка, – все до одной! И даже слегка грозно притопнула ногой для пущей важности.

Вика громко зарыдала и выскочила из дома прочь.

«Как ты могла», – слышался удалявшийся рев девочки, от которого и у Анны Григорьевны похолодело в душе:

– Куда это она???. И внутри у нее что-то «шевелинулось», а потом словно придавило тяжелым грузом...

Бежать за внучкой Анне Григорьевне не представлялось возможным. У нее давно уже болели и отекали ноги, так, что иногда она и передвигаться по дому не могла. Только с помощью внучки, палки или костыля.

Вика же удалялась все дальше и дальше от своего дома, туда, где она не услышит больше отвратительных слов любимой, но безжалостной бабушки, и не увидит эту страшную черную пасть печи, поглотившей ее работы.

Анна Григорьевна почувствовала свою вину и перестала находить себе место.

Вика пропала на несколько дней, а казалось, что уже целую вечность она ее не видела.

Пожилая женщина сразу заметно посерела лицом. Гордый нрав не позволял ей думать о том, что ее неправота могли причинить такое бедствие. Как отдушина всей жизни ее, куда-то пропала из-за жалких огрызков бумаги. Что делать? Куда бежать? Кому жаловаться? И самое главное, где искать Викулю, этого чистого, наивного, простодушного и отчаянного ребенка?

Анна Григорьевна окончательно поседела и стала беловолосой словно, стена у печи, в которую она решительно закинула детские иконки.

Вика не возвращалась, и никто из соседей даже не видел ее, сколько бы она не расспрашивала проходивших мимо ее дома людей...

~~~~~

Однажды, кот Дымок чем-то загремел на чердаке и слетел оттуда как ошпаренный. Анна Григорьевна, словно ведомая чем-то невидимым, с трудом поднялась наверх, чтобы прибраться на захламленной территории, давно забытой и брошенной.

Среди разбросанных вещей, табуреток, картин и разного старого хлама, Анна Григорьевна сразу обратила внимание на один лежавший как по-особому листок бумаги. Она осторожно подняла его и сквозь царивший мрак, присмотревшись, увидела работу своей внучки, неуверенно, но искренне нарисованную иконку Андрея Первозванного, красочную, почти живую и такую радостную и ясную. Анна Григорьевна прижала ее к груди, и, закрыв глаза, подумала: «Самая первая Викина».

Спустившись вниз, она зажгла свечи, какие были в доме, вытащила из сундука шелковый платок, поставила дрожащими руками внучкину иконку на печь, и, перекрестившись, встала перед ней на колени, замерев в странной позе.

Сколько прошло времени час ли, день ли, месяц – никто не знает, – Анна Григорьевна не помня себя, истово молилась перед этой единственной иконой о возвращении пропавшего ребенка. Стоя на коленях и крепко прижимая прося-

щие ладони к груди, она взывала о помощи не только Андрея Первозванного, но и Господа, Пресвятую Богородицу, всех святых, имена которых она помнила и знала с детства.

С этой поры в доме у Анны Григорьевны стали гореть только свечи и старая лампада, которую она случайно нашла в сундуке на чердаке.

С приходом каждого вечера она покорно принимала все ту же позу все перед той же иконой, и плача, искренне молилась перед ней за Вику. Чтобы простила ее, крошка, и вернулась домой. Ведь она совсем не этого хотела добиться, хоть и сожгла все ее работы в порыве гнева и беспокойства за нее же саму, Вику...

Накануне именин Святой Анны, которые в доме верующей девочки раньше ничего не значили, в дверь женщины постучали. Робкой поступью в дом вошел священник в рясе. Отец Виталий, встречавшийся с Викторией у старого храма и слегка поклонившись женщине, густым приятным басом молвил: «Мир дому сему!»

Анна Григорьевна онемела от неожиданности. В доме пахло ладаном, сама она была непохожа на себя, в платочке, со смиренным, добрым взглядом, полным боли, печали и тоски. Отец Виталий посмотрел в сторону печи, где стояла по-детски нарисованная иконка Андрея Первозванного и с возгласом замер. Анна Григорьевна тоже поспешила взглянуть на иконку. Из глаз Святого Апостола медленно за-

струились две капли мира, источая по всему дому тонкое едва уловимое, ни с чем несравнимое благоухание...

Отец Виталий просиял полный восторга и благодатного переживания. Анна Григорьевна привстала и замерла от удивления и благоговейного страха, не имея возможности слово сказать, и хотя бы поздороваться с незнакомым священником. В эту минуту неожиданно в дом вбежала Вичка со словами: «Бабушка, я вернулась крещеной христианкой!», и в радостном порыве бросилась на грудь родной бабушке, по которой скучала и за которую молилась, живя в огромном семействе гостеприимного и заботливого отца Виталия.

Первая исповедь

Стоял жаркий солнечный июльский денек. Девочки в ярких коротких платьицах резвились вокруг горки, бегая и прячась друг от друга, а потом звонко вскрикивая и разбегаясь по сторонам, как только к ним подбегала водила – та, что должна была передать свою «должность» подруге по игре.

Мальчишки, объезжая детскую площадку на велосипедах изредка подергивали пробежавших мимо девчонок за косички, от чего веселого звона становилось еще больше в воздухе.

Маленькая пятилетняя Анечка недалеко от песочницы старательно помогала старшему брату Алексею построить красивый песчаный город. Не город, а целое государство, с башнями, мощными стенами, красивыми теремами и домами. Много песка, времени и сил ушло уже у деток на эту работу. Десятилетний Алексей старался с видом градского архитектора, но и дело вытирая пот с со своего подрумяненного загорелого личика.

– Ничего, осталось совсем чуть-чуть, и все пацаны обалдеют! А девчонок я даже не подпущу! - гордо заявил Алексей вставая и оценивающе глядя на свою работу.

– Даже моих подруг? – с горькой обидой в голосе произнесла Анечка.

– Хм, малявки! Будут тарашиться во все глаза, да еще сва-

лится кто из них на мое творение, будет им тогда ... -заявил Алексей

– Но я ведь тебе тоже помогала? – удивленно спросила Аня

– Да, ну и что? Задумка-то моя! Ты всего-то песка два раза в ведерке принесла, воды и камушков, а все железки, деревяшки и постройки – нашел и сделал я, – почти не глядя на сестру молвил Алексей.

Аня еле слышно всхлипнула.

Алексей задумался над тем, что еще можно было поправить у этого прекрасного города, чтобы удивить всех мальчишек, которые гоняли на велосипедах и его словно не замечали, хотя и он был не плохой ездок. Просто велосипед стоит у бабушки, а он сейчас далеко от тех краев.

Вдруг в кустах послышался какой-то странный шорох.

– Что еще такое? – промолвил Алексей и уставился туда, откуда доносился шорох и непонятное лепетание и гуканье. Анечка открыла рот.

Из кустов прямо на только что построенный песчаный город кубарем выкатились два голубя, то ли дерущихся, то ли уже подравшихся, но не до конца еще выяснивших свои отношения. Один был поменьше и слабее с раненым крылом, он волочил его полуоткрытым по песку, то и дело спотыкаясь и падая. Противник же голубь постатнее и крепче остервенело нападал на юнца и поклевывал несчастного собрата то в затылок, то в это раненое крыло, словно доказывая тому

какую-то его неправоту. Молодой голубь не сдавался, отклеивался от противника, но и вскрикивал и трепетал больше, так как имел уже рану, а тот – нет...

В вихре песка они влетели в песчаный город Алексея, и словно два петуха на деревенском дворе продолжили свой некрасивый спор.

Алексей тоже открыл рот от удивления. Такое он видел первый раз в жизни, что бы миролюбивые голуби дрались и клевали друг друга.

– Крошку хлеба не поделили? – с криком бросился на них Алексей, видя как рушится последняя крепость его государства, – вот я вам. Он поднял с земли несколько камней и с яростью бросил в пернатых. Голуби заклокотали и замерли. Раненый смотрел на своего противника, главарь же уставился на Алексея и через секунду клюнув в затылок своего неприятеля улетел.

– Город мой разрушили, – отчаянно завопил Алексей и телом упал на руины города, с тем, чтобы схватить раненого безобразника. Голубь вырвался их крепких ручек Алексея и что было мочи попытался взлететь. Но крыло уже начало истекать кровью и полноценного полета не получалось. Тогда он снова направился в кусты, подлетая, подпрыгивая, порхая и спотыкаясь, а Алексей уже не зная пощады беглецу бил по земле руками чтобы ухватить его хотя бы за хвост.

– Негодник, – кричал Алексей.

Мальчишки уже скопились вокруг и ротозействовали. Де-

вочки прекратили свою игру, и выглядывая кто откуда наблюдали за происходящим. Алексей забрасывал голубя камнями, а тот удирал от него в кусты...

– Нельзя голубей обижать, – вдруг раздался красивый мужской добрый голос, – голубь – это Дух Святой, Бог накажет....

Отец Василий проходивший мимо, благословил крестом детей и продолжил свой путь в храм, купола которого блестяли за соседним домом.

– Как же, накажет, – огрызнулся Алексей, – я этого «духа святого» с подбитым крылом сейчас прибью... Что он разрушил мой город...

– Нельзя так говорить, – заплакала Анечка, – Бог накажет, сказал батюшка...

– Батюшке хорошо, его город никто не разрушал, вот он и защищает этого разбойника, – кричал Алексей, лежа уже в кустах и подбивая притаившегося там голубя остатками камней.

– Ты его убьешь, – кричали дети

– Что из того? – вторил Алексей, – заслужил. «Голубчик» – язвительно добавил Алексей.

Вдруг голубь перестал возмущенно курлыкать. На площадке наступила тишина. Мальчишки стояли как партизаны боясь шелохнуться, девчонки были подобны статуям. Одна сестра Алексея, стояла и тряслась от всхлипываний и держа запывлившиеся ручки на груди в молитвенном жесте...

– Не надо, – почти хриплым голосом просила она брата...

Алексей неожиданно встал, пнул последний камень, который перелетев через его голову громко ударился о горку, где стояли застывшие от удивления девчонки, раздавил до конца самую красивую башню в своем поломанном городе, презрительно глянул на него и направился злой и твердой поступью домой....

Анечка теперь редела навзрыд, а кто-то из мальчишек, нырнув кусты и вытащив бездыханное тело голубя, объявил волнующимся присутствующим:

– МерТВ.

Прошло лето. Алексей, как обычно отправился в школу. И в одно осеннее утро, увидев священника-соседа, который видел происшествие летом, подбежал с тяжелым портфелем к церковнослужителю и сказал:

– Благословите, батюшка, в школу иду.

Отец Василий остановился. Глянул на мальчика и ответил:

– Не благословлю. Ты голубя убил. А это Дух Божий.

Мальчик остолбенел: как он до сих пор помнит этот день, того пернатого безобразника, разрушившего со своим противником его великолепнейший город, который он практически выстроил сам, без существенной помощи сестры? Не может этого быть, – думал Алексей, смотря вслед легко

идущему священнику. – К тому же не я его убил, я его просто поколотил камнями, а он сам издох, раненый был!

После этой встречи, то ли осень настала промозглая, то ли Алексей одевался недостаточно тепло, мальчик заболел и слег в постель.

Сначала пропустил три дня школы. Сестра Анечка заботливо ухаживала за братом, таким тихим и смиренным. Ни слова от него обидного теперь не звучало – сущий ангел, – не могла нарадоваться сестра и каждый вечер после мамы целовала его то в горячий, то в холодный лоб.

– Я тебя люблю, – говорила она ему, а Алексей в полубредовом состоянии уже усypал и не слышал слов сестры, разжимая кулачок с тетрадкой, где описывал дни «своего выздоровления». Своеобразный дневник пациента. Которому с каждым днем становилось все хуже. Температура не спадала, дрожь шла по телу, губки были сомкнуты и веки тоже. Алексей стал походить на мученика или явно умирающего ребенка. Скорая ничего не смогла сделать, подтвердив, что это просто простуда. Скоро пойдет на поправку.

Но по виду больного о поправке можно было не мечтать. Мать взяла больничный и целыми днями не отходила от кровати ослабевшего сына, обливаясь слезами и улыбаясь, когда Алексей сквозь дремоту бормотал:

«Пить»

Анечка сломя голову неслась на кухню, наливала в свою любимую кружку братцу воды и бежала с надеждой сест-

ры-милосердия к кровати болящего. Когда подносили кружку к губам, Алексей отворачивался и впадал в забытие.

Анечка, глядя на маму и больного братца однажды не удержалась и спросила сквозь слезы:

– Боженька хочет забрать к Себе нашего Алексея?

Мать нервно вскочила с постели выбежала из комнаты от слов дочери.

Анечка своим маленьким чутким сердцем поняла, что: да.

Алексею становилось хуже. Приходившие врачи разводили руками и говорили, что это особый случай и они все держат под контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.